

НОВЫЙ ЗАКОН ОБ ИММИГРАЦИИ ФРГ: КРИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОЕКТА

Весной 2002 г. германским парламентом был принят новый Закон об иммиграции. Верховный суд, однако, отменил решение бундестага и бундесрата по процедурным соображениям. Несмотря на то, что конкурирующие партии парламента на удивление единогласно поддерживают основные статьи закона, до сих пор (начало 2004 г.) остается маловероятным, что новый закон об иммиграции вступит в силу в ближайшем будущем. Фундаментальное противоречие между закрытостью Германии для мигрантов и потребностями экономики в дополнительной рабочей силе остается политически нерешенным. Анализируя законопроект, мы попытаемся отыскать возможные изменения критериев доступа мигрантов к территории, к основным социальным и политическим правам, зарезервированным ранее только для граждан страны.

Критерии доступа к правам в национальных государствах

Исследователь национализма Роджер Брубейкер (1989) выделил два основных принципа принадлежности к гражданскому сообществу в современных государствах: национальный и территориальный. Национальный принцип определяет сообщество граждан по происхождению. В этом случае статус гражданина приписывается на основании мифа о культурном или этническом родстве, фактически же он передается при рождении на основании гражданства родителей. Территориальный принцип очерчивает круг граждан по «цензу оседлости» на территории государства. В соответствии с этим принципом гражданами могут стать люди, различные по происхождению (национальности), но родившиеся на территории государства или заслужившие право на натурализацию длительным и безукоризненным проживанием на его территории. Современные демократии для легитимации собственной власти пользуются как территориальным, так и национальным принципами принадлежности. С одной стороны, сила их политических решений ограничена территорией и распространяется на всех легально на ней проживающих. С другой стороны, для поддержания лояльности населения государство использует идею единой с точки зрения происхождения нации, национальной солидарности (ср. Бараулина 2003). Исходя из национального принципа солидарности обосновывается закрытость государства по отношению к «иностранцам», его право на ограничение прав «чужих». Между тем параллельное использование территориального принципа не позволяет полностью вытеснить мигрантов из правового пространства. Заинтересованное в законопослушании населения, государство испытывает потребность во включении «чужих» в минимальные правовые отношения и, следовательно, в наделении их правами. Именно поэтому рано или поздно все постоянно проживающие на территории либерального демократического государства рассматриваются как его члены и наделяются правами и обязанностями (см. Rubio-Marin 2000).

В миграционной политике национальный и территориальный принципы допуска к правам вступают в противоречие друг с другом. Один исключает мигрантов независимо от длительности их проживания и лояльности власти, другой же, наоборот, делает центральным условием доступа к правам именно эти – достижительные – критерии. Это противоречие разрешается тремя способами:

- Национальный принцип становится доминирующим. Миграционная политика направлена на ограничение доступа «чужих» к территории и правам. Парадигмальным случаем считается Япония.
- Национальный принцип уступает территориальному. Миграционная политика основана на селекции наиболее благонадежных чужаков. Моделью служат классические иммиграционные государства Америки.
- Как национальный, так и территориальный принципы сохраняют свою действенность. Миграционная политика отличается непоследовательностью и «организационным лицемерием»¹. Иллюстрацией можно считать новые иммиграционные государства, например Испанию.

¹ Понятие социолога Нильса Брунсона (1989), описывающего особую реакцию организаций на возникающие в них внутренние противоречия. Разрешение противоречия достигается не выбором одной из альтернатив, а дифференциацией организационной структуры. Одна часть организации, таким образом, начинает руководствоваться одной альтернативой, а другая – другой. Внешний наблюдатель часто воспринимает такой способ реакции на противоречия как «лицемерие»: организации говорят одно, а делают другое; ведут себя по отношению к одним агентам иначе, чем по отношению к другим; декларируют то, что не могут выполнить. Для государств, которые являются сложными организационными образованиями, лицемерие является типичной реакцией.

Какова же была политика Федеративной Республики Германии до попытки ее пересмотра в рамках законопроекта, и что должен был поменять новый закон о миграции?

Германия: между правовым государством и национальной риторикой

Конституирование немецкого государства является парадигмальным случаем для изучения конфликта между национальным и территориальным принципами государственности. Уже при объединении немецких земель в единый союз в 1871 г. гармонизация территориального и национального принципов была центральной политической проблемой. Союз немецких земель перенял описание народного единства в терминах культуры и происхождения (национальный принцип). На протяжении существования разделенных немецких земель это давало возможность выстроить систему солидарности, распространяющуюся за пределы региональных границ. Концепция нации, положившая в основу общее этническое происхождение (миф об общих родственных корнях), отображала «нереализуемость немецкого национального государства» и «*пыталась выстроить национальную идентичность вдоль идеи культурного равенства, в противовес политическому неравенству*» (Lepsius 1990: 238). Принадлежность к немецкому народу определялась через происхождение и культуру. Политическая же лояльность в гражданском праве союза немецких земель основывалась исключительно на территориальном принципе. В зависимости от исторического периода то одно, то другое основание солидарности (нация без границ или ограниченное территорией политическое участие) приобретало в Германии больший или меньший вес. Оба эти основания были переняты и при становлении ФРГ.

После второй мировой войны объединение оккупированных западными силами территорий в единую политическую единицу началось с решения о разработке единой конституции. В 1948 г. правительства западных земель обязуются разработать концепцию основного закона, который должен быть политической противоположностью законам, издаваемым на оккупированных советскими войсками территориях Восточной Европы, и в особенности Восточной Германии. Западная Германия видела себя оплотом демократии и справедливости, государством, призванным репрезентировать союз свободных граждан². Эта идеологическая формула закрепила в конституции демократическую федеративную структуру государственной власти. Кроме того, новая политическая система должна была гарантировать невозможность повторения опыта нацистской Германии. Это выразилось в юридической кодификации института правового государства и прав человека. Политическая конфронтация с «советски ориентированной» Германией и осуждение нацистского прошлого придали территориальному принципу производства солидарности особый вес. Легальное нахождение на территории обеспечивало индивидов основными индивидуальными правами, независимо от национальной принадлежности.

В то же время конституция Западной Германии обещала демократические свободы и гражданские права не только населению, проживающему на территории. Она игнорировала политическое разделение Германии, открывала возможность получения гражданского статуса всем немцам – гражданам бывшего Германского государства. Поэтому в гражданском праве особое место занял этнический принцип определения национальной принадлежности³. Этот максимально отдаленный от территориального принцип, основанный исключительно на структурах родства и традиции⁴, оказался трудно совместим с ярко выраженной политической претензией Западной Германии на осуществление идеи публичного равенства. Это противоречие проявилось особенно остро, когда возникла необходимость политического регулирования международных миграций.

Конфликт между подчеркнуто примордиальным принципом национальной и подчеркнуто эгалитарным принципом территориальной солидарности пронизывал миграционную политику Западной Германии. Этот конфликт спровоцировал расхождение между политикой и повседневной административной практикой по отношению к миграции. За исключением утверждения о том, что ФРГ не является принимающим государством и в принципе закрыта для международной миграции, эксплицитная миграционная политика в ФРГ отсутствовала. Несмотря на это, к середине 1970-х годов были институционализированы различные типы фактической миграции в Германию.

Индивидуальное гражданское право на политическое убежище – достояние послевоенной конституции Германии в сфере прав человека – давало «иностранцам» возможность получить разрешение на

² Акт объединения западных зон определил роль Германии в Холодной войне. Она стала подиумом для конфронтации двух политических систем, барометром политического противостояния между Востоком и Западом.

³ Подробное описание того, каким образом был сформулирован гражданский статус в послевоенной Западной Германии, см. у Hinken 1998.

⁴ В этом смысле Германия отличалась от всех других европейских государств, большинство из которых определяло эксклюзивную национальность через родственный принцип, объединенный с принципом рождения на территории. С этаблированием международных миграций после второй мировой войны он открыл доступ к гражданству родившимся на территории детям мигрантов. Однако он не включал самих мигрантов в национальное сообщество, оставался эксклюзивным по отношению к «чужим».

пребывание и социальное участие. Оно, однако, не являлось инструментом регуляции миграционного движения. Беженцы появлялись в пространстве политики и действующего права как отдельные случаи, исключение из правила. Министерства и ведомства, принимавшие решения о правомерности получения статуса беженца, были прекрасно осведомлены о давно устоявшихся причинах и способах перехода границы, сетях информации. Они пользовались привычными процедурами распознавания «настоящих» беженцев и тем самым этиблировали политическое беженство как структурированное миграционное движение.

Рабочая миграция в Германию тоже не была в сфере миграционной политики. Приглашение иностранных рабочих относилось к сфере ответственности министерства по труду и занятости и считалось мерой регулирования рынка труда. Иностранные рабочие, соответственно, не причислялись к категории мигрантов. В начале 1970-х годов Германия закрыла легальные возможности въезда на территорию с целью поиска работы и начала проводить активную агитацию находящихся на территории «иностранцев» за возвращение на родину. Именно после отказа от политики приглашения иностранных рабочих и введения норм, запрещавших въезд в страну с целью поиска работы, количество проживающих на территории Германии «иностранцев» из стран, в которых когда-то велась вербовка, увеличилось. Закрытие легальных возможностей въезда подтолкнуло уже находившихся на территории к решению об «укоренении». Потеряв перспективу выезжать на длительное время и возвращаться на заработки, рабочие с иностранными паспортами стали при помощи судебных решений и общественных движений активно отстаивать право на долговременное пребывание и приглашать в Германию свои семьи. Трудовая миграция продолжила существование под защитой индивидуального гражданского права на неприкосновенность семейного союза, за пределами политики, описывающей ее как временное явление.

Деквалификация миграции в политике происходила и в случае этнической миграции. Приезжающие на постоянное место жительства этнические немцы рассматривались как возвращающиеся на родину граждане. Условия их въезда на территорию политическими решениями практически не регулировались. Они находились в полномочиях администраций различных федеральных уровней. Так же, как и политические беженцы, они появлялись на западно-германской территории как будто случайно, но в отличие от беженцев они сразу описывались в политических категориях как «нормальные» граждане.

В отличие от многих исследователей, которые приписывают Германию к «закрытым» государствам с ярко выраженным национальным принципом принадлежности, мы считаем, что для германской политики по отношению к миграции характерен последний из указанных в начале статьи способ обхождения с противоречием между национальным и территориальными принципами доступа к правам. Из политических соображений право мигрантов на участие в жизни общества длительное время игнорировалось. Символический отказ от статуса иммиграционного государства был закреплен в законе о гражданстве ФРГ. Однако из соображений прагматических и под прессом правового государства миграционные каналы в страну были институционализированы, а основные права мигрантов (за исключением права выборов в федеральный парламент) закреплены (см. Vommes 1996). Таким образом, в Германии этиблировалась система организационного лицемерия по отношению к вопросам миграции и правам мигрантов. С одной стороны, чужаки были принципиально исключены из сообщества равных, с другой – мигранты к началу 1990-х годов были инкорпорированы практически во все социальные системы общества и обладали большинством гражданских прав.

**Изменение
миграционной политики
ФРГ – предпосылка
появления нового
законопроекта
о миграции?**

Скорее внешнеполитические изменения, чем внутреннее осознание собственного двоемыслия повлияли на пересмотр некоторых установок в миграционной политике Германии. Завершение идеологического конфликта между восточным и западным блоками в Европе и падение Берлинской стены поставили Германию перед вопросом: каковы должны быть условия допуска «чужих» к территории и социальному участию в контексте относительно открытых границ. Центром политической дискуссии стал вопрос об открытии «ворот Германии» международной миграции, о политическом и нормативном регулировании возможностей въезда и социального участия «чужих». Результаты дискуссии оказались, на первый взгляд, парадоксальными. В начале 1990-х годов вошел в силу так называемый компромисс о предоставлении убежища (Asylkompromiss). Консервативные партии добились сокращения возможностей въезда на территорию и получения статуса политического беженца. В обмен на это был лимитирован и контингент «этнических» немцев, принимаемых на основании, по мнению левых, устаревшего закона о гражданстве. Одновременно парламент принял новый закон о гражданстве, который облегчил получение статуса гражданина для мигрантов, уже проживающих на территории Германии, и особенно для тех, кто родился на территории страны, но сохранял статус иностранца из-за «неверного» происхождения родителей. Таким образом, политическая дискуссия об открытии каналов доступа

мигрантов к участию и территории, о признании неизбежности миграции привела к ужесточению миграционного контроля, с одной стороны, и к официальному включению мигрантов, уже проживающих на территории и фактически пользующихся всеми правами, в союз граждан, с другой.

Изменения в миграционной политике ФРГ можно рассматривать как попытку снять противоречие между национальным и территориальными принципами допуска к правам. Жесткий контроль условий въезда на территорию, с одной стороны, и включение в союз граждан уже проживающих на ней иностранцев, с другой, должны были решить проблему организованного лицемерия, восстановить монополию государства на определение национальной принадлежности. Как раз эта «реставрация однозначности» позволила ФРГ вновь настаивать на том, что страна не является принимающим государством и не намерена открывать официальные каналы миграции. В принципе Германия вплоть до законопроекта о миграции не намеревалась включать в свою иммиграционную политику правила предоставления определенным кандидатам права на въезд и легальное проживание на территории с перспективой получения гражданства. Следуя мнению многих комментаторов, изменения миграционной политики начала 1990-х годов, направленные в конечном итоге на ограничение миграции, нельзя считать предвестниками появления на свет нового закона, открывающего легальные возможности миграции и определяющего Германию принимающим государством.

Насколько нов «новый» закон о миграции?

Прежде чем соглашаться с вполне здравой, казалось бы, позицией многих комментаторов миграционной политики ФРГ последних лет, мы все же рассмотрим основные положения нового закона о гражданстве и попытаемся сделать собственный вывод о том, насколько кардинальны изменения, предлагаемые законом.

Однозначным отличием законопроекта от предыдущего законодательства и политической риторики является предоставление официальных возможностей миграции в Германию на основании квот, профессиональной квалификации и «социальной благонадежности» (наличия социально-экономических ресурсов) потенциальных мигрантов. Эти критерии являются типичными для классических иммиграционных государств, например используются в американских Законах об иммиграции 1956 и 1990 гг. Таким образом, анализируемым законом ФРГ действительно переопределяет свою роль в регулировании миграции. Закон имплицитно и эксплицитно постулирует, что время слепо запрещать миграцию ушло и настало время разумно регулировать миграционный прирост населения, отбирая достойных. Однако при анализе конкретных регуляционных механизмов складывается обратное впечатление: закон направлен на ограничение внешней миграции в страну. Уже в первых предложениях проекта, формулирующих его главную цель, обнаруживается, что «регулирование» означает главным образом «ограничение» иммиграции.

Во-первых, в отличие от общих целей законопроекта (открыть каналы для рабочей миграции в Германию) параграф 18 определяет практически невыполнимые условия для получения права на въезд для большинства претендентов на поселение в стране. Въезд с целью заработков в Германии возможен только при согласии Министерства по труду (биржи труда) и при наличии способности к интеграции в германское общество. При этом трудовое законодательство не отменяет примат предоставления рабочего места в первую очередь гражданину Германии. То есть в конкурентной борьбе за вакантные места мигрантов ставят в заведомо слабую позицию. Некоторые сферы деятельности (например, служба на государственных предприятиях) вообще остаются полностью закрыты для иностранной рабочей силы. Наиболее лояльно закон о миграции относится к так называемым высококвалифицированным специалистам: научным работникам и руководящему персоналу с зарплатой, как минимум вдвое превышающей среднюю по Германии. Именно им без особых проволочек должен предоставляться вид на жительство. Однако открытие «современным космополитам» (менеджерам крупных предприятий, ученым с мировым именем и т. д.) легальных возможностей въезда в страну не является новым регулирующим инструментом. Германия уже с начала 1970-х годов на уровне подзаконных актов облегчила возможности трудоустройства и получения вида на жительство для «особо полезных» профессиональных сил. Выдающиеся спортсмены и лауреаты Нобелевской премии и до разработки законопроекта могли беспрепятственно выбирать Германию местом своего постоянного жительства.

Во-вторых, предполагается, что мигранты, приехавшие в страну на заработки, учебу и т. д., будут удостаиваться временного вида на жительство, заканчивающего свое действие с достижением цели пребывания. Временный вид на жительство может перейти в постоянный статус только при выполнении жестких условий: проживание на территории Германии не менее пяти лет, легально оформленное и не ограниченное временным контрактом место работы, регулярные взносы в пенсионный фонд страхования (не менее пяти лет), отсутствие уголовных и других наказаний длительностью более шести месяцев, знание немецкого языка, ориентация в политической культуре Германии, наличие сертификата об успешном

прохождении курса по интеграции (см. параграф 9). Невозможно отрицать, что при таких условиях шансы на получение постоянного вида на жительство для временной рабочей силы очень невелики.

В-третьих, реальные возможности обосноваться в Германии затрудняются ограничениями на переезд членов семьи, особенно, если супруг/а и дети мигранта планируют поселиться в стране только через несколько лет после его обоснования и трудоустройства на новом месте. Например, запрещено получение вида на жительство для переселяющихся к уже находящемуся в Германии мигранту детей старше 12 лет. Это правило обосновывается неизбежными интеграционными и языковыми проблемами подростков. Подобные ограничения делают невозможной реализацию классической модели рабочей миграции: первичное обоснование на новом месте одного из членов семьи и последующий переезд остальных членов в уже созданные «пионером социальной мобильности» благоприятные социальные условия. Будущие кандидаты на въезд будут стоять перед решением: переезд всей семьей либо временная работа и возвращение. Ограничения на воссоединение семьи повышают риск индивидуального миграционного решения и создают тем самым невидимый (неофициальный) миграционный барьер.

В-четвертых, закон устанавливает еще более жесткие по сравнению с началом 1990-х годов правила контроля над традиционными видами миграции в Германию (предоставление политического убежища и «этническая» миграция). Миграция этнических немцев превращается, в рамках этого закона, в устаревшую модель, доживающую последние дни. Законопроект предлагает сократить время принятия решения о предоставлении политического убежища, что фактически означает меньшую правовую защищенность кандидатов на статус беженца и их скорейшее выдворение из страны.

В-пятых, предлагается внести в закон о гражданстве следующие изменения. Иностранцы, минимум восемь лет легально проживающие на территории Германии и обладающие неограниченным видом на жительство, имеют право на статус гражданина страны при условии их лояльности демократическому и правовому порядку, социальной благонадежности (легальное место работы, способное обеспечить материально как претендента на статус, так и его семью), отказа от предыдущего гражданства, знания немецкого языка и т. д. Право на гражданство, предлагаемое проектом, соответствует уже много раз измененному закону о гражданстве ФРГ. Оно поддерживает территориальный элемент принадлежности, введенный в начале 1990-х годов. Одновременно с этим оно создает дополнительный барьер доступа к правам для последующих мигрантов. Право доступа в союз граждан фактически проверяется в первый раз при получении неограниченного вида на жительство и как бы перепроверяется при подаче заявления на получение гражданства. Эта двойная проверка достоинства кандидата увеличивает возможность контроля над социальным и политическим «поведением» иностранцев. Лояльность «чужих» государству подлежит постоянной проверке.

Итак, если не обращать внимания на новую политическую риторику законопроекта, а сконцентрироваться на его регулятивной части, можно сделать вывод, что закон о миграции, так же, как и компромисс о предоставлении убежища в начале 1990-х годов, нацелен на сокращение миграции в Германию и введение инструментов жесткого контроля над миграционными процессами со стороны государства, часто в ущерб индивидуальным правам мигрантов. Законопроект нельзя считать кардинальным изменением политики Германии по отношению к внешней миграции, этаблированной в начале 1990-х годов. В лучшем случае он является 1) символическим признанием существования таких мигрантов на территории страны, которые не только обременяют, но и обогащают ее ресурсы; 2) частичным открытием доступа к полноценному гражданству для этих «заслуженных» мигрантов.

Критическая интерпретация проекта

Введение жестких мер миграционного контроля, особенно по отношению к иностранцам из стран, не входящих в Европейский Союз, маркирует новую политику исключения. В то же время описание этих мер как инструментов активной политики приглашения «иностранцев» означает принятие нового самоописания Германии в терминах полиэтничного и поликультурного государства. Многочисленные ограничения в выдаче разрешений на работу и проживание, включенные в проект Закона об иммиграции, вероятно, станут барьерами для легальной миграции и спровоцируют нелегальный въезд на территорию. Однако традиционные основы определения национальности по принципу этничности и происхождения все же, как минимум на символическом уровне, поставлены законом под сомнение.

Таким образом, законопроект противоречив по своей сути. С одной стороны, он открыто допускает миграцию и новое национальное самопонимание, с другой – сокращает возможности въезда и проживания на германской территории. Чтобы интерпретировать эту противоречивость, мы должны оценить основной принцип доступа к социальному участию, закрепленный новым законом.

Центральный элемент селекции мигрантов определяется в общей формуле параграфа 1: этот закон «создает возможности для иммиграции и организует ее, исходя из интеграционного потенциала и соответствующих интересов ФРГ в области экономики и рынка труда». Процедуры принятия решения о

выдаче вида на жительство ориентированы на иерархию полезности. Т. е. право на постоянное проживание мигрант получает только в случае его особой полезности государству. Контроль доступа к территории и основным правам – традиционная прерогатива национального государства – строго увязывается с наличием трудового контракта, особой квалификации или разрешения на работу одного из локальных управлений по труду и безработице.

Означает ли установление достижительного принципа в качестве основного критерия селекции мигрантов, что Германия сделала решающий шаг к переопределению собственной миграционной политики, шаг к эгалитарному пониманию института гражданства? На наш взгляд, нет. В основе процесса легализации иммиграции не лежит идеология уравнивания в правах «своих» и «чужих». Новая миграционная политика, поддерживаемая законом, направлена на усиление экономической мощи и благосостояния германского социального государства. Доступ к правам больше определяется не на основании солидарности (достигнутой в совместной политической дискуссии или из-за примордиальных критериев принадлежности), а на основании наличия достаточного экономического, культурного и социального капитала у претендентов. Только экономически и социально состоятельные включаются в клуб достойных. Именно их государство готово репрезентировать. Именно для них оно играет роль социального сервиса, облегчающего труд и обеспечивающего старость⁵.

Если и соглашаться с тезисом о том, что законопроект переопределяет отношение Германии к миграционным процессам, то в его видоизмененном варианте. ФРГ не просто вводит территориальный принцип гражданской принадлежности. Законопроект не приближает Германию к модели обхождения с миграцией, характерной для классических принимающих государств. ФРГ стоит в авангарде государств нового типа: отказывающихся от традиционных идеологических оснований принадлежности – национальности и политической солидарности – и перенимающих роль закрытых государств-клубов, конкурирующих за сильных мира сего (см. Кёрпе, 2003). Однако и этот тезис кажется нам преждевременным, особенно если учитывать, что, несмотря на принципиальное согласие всех парламентских партий с необходимостью регулировать и ограничивать миграцию, законопроект до сих пор не вошел в силу.

Заключение Уже на протяжении нескольких лет правящие партии Германии соглашаются с необходимостью прийти к компромиссу и наконец-то решить «миграционный вопрос». Параллельно с этим христианские демократы продолжают блокировать успешное прохождение законопроекта в парламенте. Свою позицию они аргументируют тем, что не готовы допустить увеличения миграции, которое неизбежно спровоцирует *такой* закон. Союз репрезентирует при этом, по словам одного из представителей, мнение более чем 80 % граждан, рассматривающих увеличение внешней миграции в страну как угрозу национальному благосостоянию⁶. Что же *такое* скрывается в новом законе о миграции? Что провоцирует консервативные силы Германии выступать против принятия законопроекта?

Как мы уже показали на примере нескольких статей законопроекта, его регулятивная часть не может служить основанием для предположения: закон открывает Германию международной миграции. На фоне уже сегодня практикуемого приглашения рабочей силы новый закон, наоборот, должен считаться слишком рестриктивным. Особенно экономически успешные земли юга Германии, которые традиционно управляются консервативными партиями, выступают за расширение возможностей приглашать рабочую силу (например, Бавария требует облегчения въезда в страну для медицинского обслуживающего персонала и персонала по уходу за престарелыми⁷) и один за другим выпускают административные указания по введению облегченных условий въезда для «особых квалификационных групп». Необоснованно было бы также утверждать, что консервативный блок лоббирует чьи-то интересы. Практически все общественные организации, даже каритативные союзы католической церкви, наиболее близкой христианским демократам по идеологии, выступают за основные положения законопроекта и за его скорейшее принятие парламентом. Остается предполагать, что в неприятии закона повинны исключительно идеологические основания, остающийся действенным миф о необходимости особой защиты национальной солидарности от влияния чуждых интересов, о необходимости сохранения национального принципа допуска к правам. Именно претензия закона переопределить Германию в

⁵ Ср. Статью Боммеса в этом сборнике.

⁶ Wolfgang Bosbach (CDU/CSU) Union für mehr Integration statt mehr Zuwanderung Erneute Erste Lesung des Zuwanderungsgesetzes. // *Pressestelle der CDU/CSU-Bundestagsfraktion*, 14.03.2003.

⁷ Stellvertretender Fraktionsvorsitzender der SPD. Zuwanderung mit Zukunft: Unser Entwurf ist und bleibt richtig // *Pressestelle der SPD-Bundestagsfraktion*, 14.03.2003.

терминах миграционного государства, доступ к социальному и политическому участию в котором основывается исключительно на территориальном, достижительном принципе принадлежности, остается решающим барьером для правового нормирования миграционной политики в стране.

Настойчивые попытки сохранить национальный принцип допуска к правам, даже при его явной иррациональности, приводит нас к следующему выводу. Организационное лицемерие в обхождении с миграцией в случае ФРГ трудно преодолеть. В какой-то степени оно заложено в логике достижения политических успехов. Сохранение исключаящего «чужих» принципа солидарности несет политикам признание публики. Расширение же достижительных критериев при реальном регулировании миграционных процессов позволяет ситуативно решать структурные проблемы рынка труда и латать дыры в государственном бюджете взносами новых налогоплательщиков. В результате умное использование миграции делает возможным «справляться со своими задачами», представлять реальные результаты работы по повышению благосостояния общества. Успешность политики заключается не только в умении «улавливать настроения народа», но и в умении «добиваться поставленных целей», работать эффективно. Часто, однако, настроения народа противоречат принципам эффективности. Национальный и территориальный принципы допуска к правам, используемые одновременно, в состоянии удовлетворить как первое, так и второе условие успешности. Однако для успешного воспроизводства лицемерия политические стратегии использования этих принципов должны не допускать их столкновения в пространстве публичного обсуждения. Поэтому политики с особой жесткостью отвергают возможность сосуществования обоих принципов в своих политических программах и категорически отвергают или поддерживают лишь один из них в парламентских дебатах. Живучесть системы организационного лицемерия по отношению к международной миграции характерна, по нашему мнению, не только для Германии. Она является основополагающим механизмом «решения миграционных проблем» во многих современных государствах, стоящих перед противоречивыми задачами: сохранить символические основания власти и одновременно закрепить ее материальные основания, что возможно только при эффективной поддержке национальной экономики в ее попытках приспособиться к требованиям с недавнего времени глобального капитализма, а следовательно, и вышедшего за пределы границ национальных государств рынка труда.

Библиография

- ☑ **Бараулина Т.** Государственное конструирование реальности: социальные последствия миграционной политики // Рубеж: альманах социальных исследований. 2003. № 18. С. 65–108.
- ☑ **Bommes M.** Migration, Nationalstaat und Wohlfahrtsstaat – kommunale Probleme in föderalen Systemen // Bade Klaus (Hrsg.). Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien. Osnabrück, 1996. S. 204–243.
- ☑ **Brubaker W.R.** (ed.). Immigration and the Politics of Citizenship in Europe and North America. Boston, 1989.
- ☑ **Brunsson N.** The Organization of Hypocrisy. Talk, Decisions and Actions in organizations. Chinchester, John Wiley & Sons, 1989.
- ☑ **Geddes A.** Thin Europeanisation: the Social Rights of Migrants in an Integrating Europe // Bommes Michael and Geddes Andrew (eds.). Immigration and Welfare: Challenging the Borders of the Welfare State. N.Y., 2000. P. 209–226.
- ☑ **Hinken G.** Die Rolle der Staatsangehörigkeit bei der Konzeption des Grundgesetzes // Einwanderung und Einbürgerung in Deutschland. Jahrbuch Migration 1997/98. D. Thränhardt. Münster, 1998. S. 179–264.
- ☑ **Joppke C.** Einwanderung und Staatsbürgerschaft in den USA und Deutschland. // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1999. 51. S. 35–54.
- ☑ **Köppe O.** The Leviathan of Competitiveness: how and why do liberal states (not) accept unwanted immigration? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2003. 29(3). S. 431–448.
- ☑ **Lepsius R.M.** Nation und Nationalismus in Deutschland // Lepsius R.M. (Hrsg.). Interessen, Ideen, Institutionen. Opladen, 1990. S. 232–247.
- ☑ **Rubio-Marin R.** Immigration as a Democratic Challenge. Citizenship and Inclusion in Germany and the United States. Cambridge, 2000.